

Во дворе не было ни души. За этот вечер произошло несколько крупных событий, и все стражи Цзиньивэй были отправлены на дежурство. Глядя на совершенно пустой двор, Юньци наконец восстановил самообладание и собрался с мыслями.

Он спрятал Тоба Фэна за платаном, развернулся и бросился бежать. Сжимая в руке клинок Чаньи, он стремительно пересёк почти половину дворца и вернулся в императорскую темницу.

Юньци немного осмотрелся, затем поднял ранее оброненный на землю амулет и спрятал его за пазуху. Он подобрал фарфоровую чашку с остатками вина, ударом разбил её пополам, а затем подтянул к себе тело тюремщика.

Юньци прислонил тело к чугунной решётке и осколком фарфора вскрыл ему горло. Затем он сосредоточил внутреннюю силу, резким движением метнул осколок, и тот с силой вонзился в стену. Так он создал видимость, будто Тоба Фэн, заподозрив, что в вине яд, бросил скрытое оружие и убил надзирателя.

Однако тюремщик умер уже давно, его тело было ледяным, и из раны на шее вытекло лишь немного густой крови.

Юньци, стиснув зубы, полоснул себя по руке клинком Чаньи, и хлынула свежая кровь, запачкав все кругом. Лишь после этого он разорвал подкладку своей одежды, перевязал рану и развернулся, чтобы уйти.

Когда Юньци вновь добежал до большого двора, была уже вторая ночная стража* и весь дворец сиял огнями. После потери крови и быстрого бега у него потемнело в глазах. Он опёрся на стену двора, чтобы немного перевести дыхание, восстановил силы и, не обращая внимания на Тоба Фэна, который лежал навзничь под платаном, толкнул дверь и вошёл в дом.

* 9-11 вечера.

Юньци открыл дверцу шкафа и собрал всё ценное. На мгновение задумавшись, он достал свой меч Сючунь и взвесил его в руке. На лицевой стороне рукояти был выгравирован один иероглиф: Юнь.

Когда он перевернул рукоять и взглянул на сторону, обращённую к ладони, там неровно был вырезан ещё один иероглиф: Фэн.

— Юньци, ты уже получил свой меч Сючунь?

Пятнадцатилетний Юньци с улыбкой кивнул и сказал:

— Пойдём, попросим шинянь вырезать на нем надпись.

Тоба Фэн и Юньци сидели рядом на берегу озера Сюанью. Юньци вертел в руках только что полученный меч Сючунь, и Тоба Фэн с улыбкой произнёс:

— С этого дня ты настоящий Цзиньивэй.

Юньци с задумчивой улыбкой взмахнул мечом, взвив им порыв ветра, и по поверхности озера разошлась рябь. Затем он потянулся и вытащил меч, висевший у пояса Тоба Фэна, перекинул оба клинка в руках, словно взвешивая, и сказал:

— Почему твой тяжелее моего?

Тоба Фэн, лениво лежа на траве, ответил:

— Мечи Сючунь делают по меркам силы тела, запястья, длины рук и пальцев человека. Ты должен беречь его как зеницу ока, так как у тебя не будет такого другого. Меч живёт — живёт и его владелец, меч гибнет — гибнет и его владелец.

Юньци повернул рукоять меча, поднёс к солнцу и внимательно разглядел — на рукояти меча Тоба Фэна было вырезано имя.

Тоба Фэн резко сел и сказал:

— Отдай.

Юньци протянул ему меч, и тот добавил:

— Второй тоже отдай ши-гэ.

— Зачем? — Юньци прищурился и с подозрением спросил.

Тоба Фэн с улыбкой произнес:

— Шисюн прибережёт его для тебя, а то ещё уронишь в озеро.

Уголок рта Юньци дёрнулся, но Тоба Фэн уже вытянул руку и ловко выхватил его меч. Затем, сжав пальцами лезвие, он перевернул клинок и начал вырезать надпись на рукояти своего меча.

— Эй-эй, не порть! — поспешно попытался остановить его Юньци.

С лёгкой улыбкой на губах Тоба Фэн аккуратно вырезал на обратной стороне рукояти иероглиф «Юнь».

Высеченный Тоба Фэном иероглиф был неровным и в самом деле ужасно корявым. Закончив, он сдул стружку и сказал:

— Готово. С этого дня ты — в моей ладони.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать. А Тоба Фэн добавил:

— Теперь тебе тоже вырежу.

Юньци недовольно воскликнул:

— Это же новый меч! Он ещё крови не видал, а ты уже портишь его какой-то чепухой...

Тоба Фэн вскочил и бросился бежать, а Юньци поспешно кинулся за ним. Оба мчались по берегу озера Сюанью, и пока Тоба Фэн с его длинными ногами убегал вперёд большими шагами, он всё равно продолжал урывками вырезать надпись на рукояти меча.

Юньци с трудом догнал Тоба Фэна, повалил его на траву и с мрачным выражением лица сказал:

— Если будешь так держать меч, то раздерёшь в кровь ладонь!

Тоба Фэн с мягкой улыбкой ответил:

— Ещё не закончил, одной черты не хватает...

Юньци в истерике взвыл:

— Иероглиф «Фэн» ты тоже вырезал криво! Идиот! — Со злости он хлопнул Тоба Фэна по затылку, вырвал у него свой меч, вложил обратно в ножны и, поднявшись, с досадой ушёл.

Юньци не смог сдержать улыбку и дорисовал недостающую черту в иероглифе «Фэн» на рукояти меча. Затем он поменял ножны своих с Тоба Фэном мечей и поспешно вышел из комнаты.

Он прикрепил меч Сючунь к поясу Тоба Фэна, взвалил его себе на спину, прислонился ухом к высокой стене двора, чтобы распознать звуки, и, убедившись, что снаружи безопасно, покинул внутренний двор.

— Хэдинхун... — слабо прошептал Тоба Фэн.

Юньци тихо сказал:

— Я дал тебе лекарство, способное вернуть к жизни. Теперь всё в порядке.

Тоба Фэн нежно потёрся переносицей о шею Юньци.

Тот продолжил:

— Когда я родился, отец повстречал служителя даосского храма на горе Кунтун, и тот дал ему два сокровища... вернее, три. Первое — пилюля Кужун Цзаохуа, она обезвреживает любой яд и вытаскивает с того света. Ещё клинок Чаньи. Помнишь? В прошлый раз ты ещё спрашивал, откуда у меня этот нож.

Тоба Фэн кивнул.

Юньци продолжил:

— Сестра сказала, что после того как примешь пилюлю Кужун Цзаохуа, в течение двенадцати шичэней поочерёдно утратишь все пять чувств — ослепнешь, оглохнешь... Это называется «увядание». Когда действие лекарства начнёт спадать, чувства вернутся одно за другим, и тело восстановится — это называется «расцвет». В период между увяданием и расцветом проходит омовение костного мозга*... Если потом что-то вдруг пойдёт не так, ни в коем случае не паникуй.

* Омовение спинного мозга (洗髓) — метод цигуна, который омолаживает костный мозг и делает кости более крепкими, пластичными и гибкими.

Тоба Фэн тихо ответил:

— Я уже ничего не вижу.

Юньци кивнул:

— Подожди немного, не бойся.

— Государственный преступник сбежал! — послышался вдали крик стражника.

Жун Цин с другой стороны стены резко прикрикнул:

— Что ты сказал?! Это наш командир Цзиньвэй! Какой ещё государственный преступник?! Жить надоело?!

Дворцовая конная стража всегда находилась под жёстким контролем Цзиньвэй, и как только Жун Цин повысил голос, стражники тут же притихли.

Он распорядился:

— Разделиться на две группы, прочесать вдоль западных ворот. Без приказа никаких самовольных действий!

Тоба Фэн хрипло спросил:

— Нас ищут?

Юньци ответил:

— Молчи. Жун Цин мне не соперник... Но я не хочу с ним сталкиваться. Подождём, пока он уйдёт...

Он, пошатываясь, выбирал самые укромные уголки дворца и петлял без остановки. В знании расположения императорского дворца Цзиньвэй не было равных, а среди них лучшими были Юньци и Тоба Фэн.

С детства выросшие во дворце, Юньци и Тоба Фэн вдоль и поперёк излазили все его закоулки и прекрасно знали, где какие потайные ходы. Избежав столкновения с патрулирующими стражниками, они выбрались из дворца через западные ворота.

Юньци был весь в поту, и шаги его стали неуверенными. Он тяжело выдохнул.

Тоба Фэн, с трудом выговаривая, медленно произнёс:

— Ты должен был оставить меня...

Юньци остановился, прислонился к стене, переводя дыхание, и не сдержался:

— Отдать тебя императору? Чтобы ты, Янь-ван и я — все разом погибли? Вы с ним слишком уж смелые, до безжалостности.

Тоба Фэн с усмешкой сказал:

— Значит, ты все это делал, потому что боялся за свою жизнь. Можешь не беспокоиться, если бы ты сдал меня, император точно бы... не убил тебя. Ты и внук императора...

Юньци немного передохнул и, пошатываясь, продолжил уходить от императорского дворца.

Он говорил на ходу:

— Лао Ба, у тебя хватило смелости покуситься на жизнь внука императора, но я никак не смог бы решиться на такое. После того, как отец погиб, ему посмертно присвоили титул Чжуншаньвана, мой старший брат рано умер, а вся семья Сюй переселилась вместе с моим вторым братом в Янчжоу...

— А почему тебя не сделали ваном? — усмехнулся Тоба Фэн. — Какие богатства и почести пообещал тебе Чжу Юньвэнь?

— Я гребанный сын наложницы! — выругался Юньци. — Ты можешь дослушать, а?! Молчи уже

Тоба Фэн замолчал.

Юньци снова заговорил:

— У меня с сестрой одна мать. По-хорошему, тебя надо бы отправить в Пекин, но раз уж зять хочет убить тебя, чтобы замести следы, боюсь, к нему тебе путь закрыт. Придётся идти в Янчжоу.

Тоба Фэн промолчал, не ответив.

Юньци продолжил:

— В Янчжоу живёт мой второй брат, Сюй Цзэншоу. Мы, конечно, не особенно близки, но он всё же из семьи Сюй. Возьми мой меч Сючунь, и как только он его увидит, то сразу всё поймёт. Попроси его приютить тебя, а как всё уляжется, я тебя навещу.

Тоба Фэн всё так же молчал.

Юньци сердито рявкнул:

— Онемел, что ли?

Тоба Фэн издал несколько сдавленных «а-а» и покачал головой. Вдруг Юньци вспомнил кое-что и спросил:

— Сейчас уже не можешь говорить?

Тоба Фэн кивнул. Юньци, ведя его по тёмному узкому переулку, дошёл до конца и сказал:

— Пришли.

Это был как раз переулочек за Теремом Танцующего Тумана. Юньци тихо свистнул, и содержащиеся внизу собаки дружно залаяли.

На втором этаже зажгся свет, и дверь распахнулась.

Чунь Лань, одетая в маленький дудо, чуть наклонилась в дверном проёме и взмахнула вышитым платочком. Глаза её бегали по сторонам, и она воскликнула «Ой!», будто хотела что-то сказать.

Юньци, измождённый до предела, с трудом уложил Тоба Фэна на кровать и сам тут же без сил рухнул рядом, не двигаясь.

Он устался на полог кровати и пробормотал:

— Женщина, сходи, скажи слуге* внизу, чтобы нанял лодку. К рассвету всё должно быть готово.

* Досл. «черепаший господин» (черепаха). Так называли сутенёров или мужчин, выполнявших подсобные работы и обеспечивавших безопасность в борделях. Их статус был крайне низким, а основной обязанностью была помощь проституткам. Позже мужчин стали называть черепаха — досл. «черепаший раб», так как если среди проституток были женщины с забинтованными ногами, эти мужчины носили их на спине подобно черепахе.

Чунь Лань нахмурилась, долго разглядывая обоих, а потом вдруг воскликнула:

— Да это же тот самый тюрк из ваших Цзиньивэй...

Юньци глубоко вздохнул. Чунь Лань подошла поближе и в изумлении произнесла:

— Айо, мать честная! Наконец-то я увидела его своими глазами! Этот тюркский командир... да девочки из нашего терема каждый день о нём грезят, не иначе...

Юньци взревел:

— Живо иди!

Чунь Лань вздрогнула от неожиданности и поспешно развернулась, сбежав вниз по лестнице.

С улицы донёлся торопливый стук копыт. Поисковый отряд из дворца, судя по всему, уже прошёл через улицу и направлялся к городским воротам.

— «Девочки каждый день грезят о нём...» — небрежно пробормотал Юньци, лёжа рядом с Тоба Фэном. Он притянул его руку и подложил себе под шею: — Лао Ба, тебе жену найти — раз плюнуть.

Тоба Фэн онемел и не мог вымолвить ни слова. Он закрыл глаза, обнял Юньци за плечи и прижал к своей груди.

Юньци почувствовал, как дрогнуло сердце, и провёл рукой по красивому профилю Тоба Фэна. Тот, словно ощутив это, повернул голову, и его пересохшие губы едва заметно зашевелились.

Они уже готовились поцеловаться, как вдруг Чунь Лань с топотом взбежала наверх по лестнице и гневно воскликнула:

— Даже сапоги не сняли, и сразу на кровать этой старухи?!

Юньци поспешно поднялся, выставил длинную ногу Тоба Фэна за край кровати и сказал:

— Скоро его придется увозить, сейчас не до этого, пусть пока полежит так.

Чунь Лань поправила волосы, повернулась, чтобы налить чаю, и спросила:

— К четвёртой ночной страже прибудет лодка. Куда вы собрались? Неужто натворили чего? Прямо как бродячие псы.

Юньци принял чай, поднял Тоба Фэна, напоил его несколькими глотками.

Чунь Лань цокнула языком, Тоба Фэн допил холодный чай из чашки, перевёл дух и снова лёг. Только тогда Юньци ответил:

— Преступление, караемое истреблением рода до девятого колена.

Чунь Лань протяжно ахнула, словно укрывательство государственных преступников для нее было сущим пустяком. Юньци нашёл платок, завязал им глаза Тоба Фэну и закрепил концы за ушами. С улицы донёлся звук отбивания ночной стражи.

Третья ночная стража.

Чунь Лань задула масляную лампу, и трое сидели в темноте.

— Ши-гэ, — в полной тишине заговорил Юньци.

Тоба Фэн сжал руку Юньци.

Чунь Лань поднялась, подошла к балкону, поправила дымчатую шёлковую юбку и грациозно села. Она сдёрнула с семиструнного циня ткань из флера* и коснулась его пальцами.

* Ткань из флера в основе и натуральной шёлковой нити в утке, изготавливается в Шэцзэчжэне в уезде Уцзян (□□).

— Янчжоу — славный край. После смерти отца, в четыре года, сестра привезла меня в столицу...

Чунь Лань запела:

— Протянул, ай, рученьку, коснулся, ай, сестрёнки...

«...»

Юньци ощетинился:

— Кто разрешал тебе петь «Восемнадцать прикосновений*»?!

* «Восемнадцать прикосновений» (□□□) — непристойная народная песня, считающаяся вульгарной и безвкусной. Песня начинается с прикосновений к волосам, затем к затылку и т.д., причём каждая последующая затрагиваемая область становится всё более интимной.

Чунь Лань резко замолчала.

Юньци продолжал, будто сам с собой:

— Мой второй брат во всём хорош, только вот ужасно скуп. Так что не жди, что он даст тебе должность или жалованье. Я взял с собой все серебро...

Чунь Лань снова запела:

— Пион цветёт, ах, как пышно, как ярко...

Юньци, с трудом сдерживая гнев, рявкнул:

— «Цветы расцветают, и богатство прибывает*» тоже нельзя петь!! Ничего не пой! Заткнись!

* «Цветы расцветают, и богатство прибывает*» (□□□□) — традиционная песня для пожелания счастья, богатства и высокого положения.

Чунь Лань неловко замолкла.

Юньци сказал:

— Ши-гэ, теперь, на краю света, ты будешь совсем один. Береги себя, не лезь на рожон, а то опять с кем-нибудь подерёшься. Янчжоу же не под носом у императора, и там точно не будет того же почета, что у Цзиньивэй...

Чунь Лань звонко брякнула по струнам и запела:

— Ветки ивы редуют вновь и вновь... где на краю света не встретить душистую зелень вновь?*

* Из стихотворения Су Ши эпохи Сун □□□□·□□□ («Бабочка, влюбленная в цветок»). В современном значении строки о душистой зелени говорят, когда кого-то отвергли в любви, обр. «свет клином не сошёлся».

«...»

Вся печаль разлуки, переполнявшая Юньци, мигом разлетелась по ветру от выходов этой известной А-гу*. Ему хотелось плакать, но он не мог выдавить не слезинки, только крепче сжал руку Тоба Фэна и замолчал.

* А-гу (□□) — «тетя со стороны отца». Так раньше называли проститутку в Гонконге. Также может быть формой обращения к старшей незамужней женщине.

Как вдруг Чунь Лань чистым, как у ласточки, голоском, радостно щебеча, без усталости завела песню:

— ...Но стихают их голоса, отдаляется смех озорной... Я расчувствовался совсем, только им не все ли равно?*

* Тоже из стихотворения Су Ши «Бабочка, влюбленная в цветок». Путник услышал за стеной игривый смех красавиц, но постепенно он затих, и путник, словно обидевшись на бездушные девушки, ощутил укол в своём сердце.

Был конец лета, начало осени. Высоко в небе висела ясная луна, прохладный ветерок поднял газовую занавеску, и серебристый свет убывающей луны пролился внутрь, гармонируя с тихой песней Чунь Лань:

— Я расчувствовался совсем, только им не все ли равно?

Тоба Фэн с трудом сглотнул. Он бесшумно разжал руку, сжимавшую ладонь Юньци, и шелковый платок, закрывавший его глаза, уже намок.

Когда песня постепенно стихла, издалека донеслись три удара в деревянную колотушку на носу лодки.

Юньци понял, что судно на месте. Обняв Тоба Фэна, он поставил его на ноги и сказал Чунь Лань:

— Ты не спускайся.

Слуга с фонарём в руке повёл Юньци к реке. Близилась четвёртая ночная стража. Поверхность воды окутывал слой лёгкого тумана. Вдали огни цветных барж погасли, и лишь тускло мерцали несколько жёлтых фонарей. У причала тихо стояла маленькая лодка.

Лодочник, клевая носом, спросил:

— Господин чиновник, куда держите путь?

Юньци ответил:

— Держи два ляна серебра. Присмотри за этим господином. Он сейчас ранен и не может говорить. Доставь его в Янчжоу.

Лодочник, приняв серебро, вдруг воспрянул духом и засыпал его похвалами.

Юньци устроил Тоба Фэна в каюте, опустил шторку и сказал:

— Ши-гэ, я забрал всё серебро. Это все, что мы скопили за последние годы службы. Возьми его, а когда придёшь в Янчжоу, присмотри себе жену и живи спокойной жизнью.

— И ещё вот эти две нефритовые подвески... В прошлый раз я нашёл их у тебя в комнате, хотел... немного подшутить над тобой, вот и спрятал, — Внезапно глаза Юньци покраснели: — Я тогда подумал, что ты... приглядел себе какую-нибудь девушку. Ну, и мне стало как-то не по себе.

Юньци положил две нефритовые подвески в маленький мешочек и вложил его в руку Тоба Фэна.

В тот миг перед глазами пролетели годы их совместной учёбы. Разом нахлынули все мельчайшие воспоминания — улыбки и смех с самого детства, юношеская влюбленность, палочки-лошадки. Юньци ощутил, как невыразимая скорбь наполняет его сердце, и из глаз ручьем полились слезы.

— Ши-гэ, ты уходишь...

Голос Юньци прерывался от слёз:

— Ты ведь не умеешь жить один... Деньги... отдай их все жене, пусть она ведёт хозяйство. Я... возвращаюсь.

Тоба Фэн забрал одну нефритовую подвеску и медленно взял Юньци за руку.

Он положил мешочек с серебром и вторую подвеску на его ладонь.

Тоба Фэн потянул себя за ухо, покачал головой, затем согнул тёплые длинные пальцы. Он накрыл ладонь Юньци, заставив его сжать то, что лежало в ладони, а потом с неохотой отдернул руку.

С глаз Юньци непрерывно катились слёзы. Он тяжело дышал, затем наконец громко всхлипнул и бросился вперёд, обняв Тоба Фэна за шею.

Юньци плакал так сильно, что его всего трясло. Он сунул вещи обратно в складки одежды Тоба Фэна, стиснул зубы, повернулся и сошёл с лодки.

Лодочник, будто тронутый сценой, с сожалением сказал:

— Господин чиновник, вы больше не будете прощаться?

Юньци грубо смахнул слёзы и ответил:

— Отчаливай. Он оглох, не услышит.

Лодочник толкнулся шестом от берега, протяжно возгласил:

— Отплыва-аем!

Нос лодки прорезал водную гладь, и она разошлась бесчисленной рябью. Крытая лодка, укутанная холодным лунным светом, отошла от пристани и медленно поплыла по реке Циньхуай на восток.

Юньци провожал взглядом уходящее судно, сжимая в руке нефритовую подвеску-Цилинь.

Издали, с верхнего этажа Терема Танцующего Тумана, доносилось нежное и чарующее пение Чунь Лань:

— Не касайся струн, они не передадут всей моей скорби. Небо вечно, любовь бесконечна, и сердце мое — пара шелковых сетей, сплетенных из тысячи узлов...*

* Строки из стихотворения Чжан Сяня эпохи Северная Сун «Тысяча осеней» (千秋). Стихотворение повествует о подавленных радостях и печалях любви. Именно из неё происходят шесть иероглифов, выгравированных на парных подвесках-Цилинь.

Юньци, с лицом, мокрым от слёз, закричал:

— Ши-гэ!

Тоба Фэн, одной рукой опираясь о бортовое окошко лодки, откинул шторку и бесцельно помахал наружу.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326071>